

УДК 81'42

ББК 81.0

Г 91

Грушевская Е.С.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Текст как презентация языковой личности его создателя

(Рецензирована)

Аннотация:

Выявляются и анализируются основные параметры текста как законченного речевого сообщения. Данные, полученные в рамках представленного научного исследования, основанного на изучении многочисленных отечественных и зарубежных авторитетных источников и реферируемых периодических изданий, посвящённых анализу текста, способствуют определению основополагающих параметров текста, обуславливающих его связность и диалогичную природу. Результаты исследования обладают теоретической значимостью, заключающейся в систематизации подходов к проработке вопросов о прагматическом аспекте работы текста и о процессе его функционирования как реконструкции реципиентом некоего кода, заключённого в данном тексте. А также возможно применение выявленных тенденций для анализа языковой личности создателя текстового произведения. Полученные данные могут быть успешно применены как непосредственно для изучения лексико-синтаксической организации и структурной текстового пространства, так и как теоретическая основа для дальнейшего изучения кодирования и декодирования информации, заключённой в текстовом материале.

Ключевые слова:

Текст, связность, автор, коммуникация, читатель, диалог, код, личность.

Grushevskaya E.S.

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department, the Kuban State University, e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Text as presentation of the language personality of its creator

Abstract:

Key parameters of the text as the finished speech message are identified and analyzed. The data obtained within the presented scientific research based on studying the numerous national and foreign authoritative sources and peer-reviewed periodicals on the text analysis promote determination of the fundamental parameters of the text causing its cohesion and interlocutory nature. The theoretical importance of the results of this research lies in systematization of approaches to study questions of pragmatical aspect of work of the text and the process of its functioning as reconstruction by the recipient of some code containing in this text, as well as to apply the revealed tendencies for the analysis of the language personality of the creator of the text work. The obtained data can be successfully applied both to immediately study the lexical syntactic and structural organization of the text space and as a theoretical basis for further studying a coding and decoding of information containing in text material.

Keywords:

Text, cohesion, author, communication, reader, dialogue, code, personality.

Текст всегда был, есть и будет объектом пристального внимания, так как именно языковые средства по силе своего воздействия на аудиторию безграничны и неисчерпаемы. Его основными компонентами, тесно связанными между собой, являются знаковое начало, целостность и наличие смыслового ядра (информации).

Текст обладает формальной связностью: его части имеют соотносящиеся между собой языковые (знаковые) элементы – и семантической связностью: его части несут в себе общие содержательные компоненты. Все эти составляющие можно легко применить к тексту как языковому, словесному явлению, то есть зафиксированному высказыванию. Исходя из этимологии, сформулируем рабочее определение: текст – это носитель информации, представляющей собой совокупность смыслов и закреплённой в особой целостной, связной знаковой системе.

Выделяя среди природообразующих признаков связность, последовательность текста и авторское начало, обеспечивающее его структурную организацию, мы неизбежно приходим к понятию композиции, под которой понимаем единство формы и содержания, организованное в соответствии с авторским стилем. Именно стилистическая концепция композиции приводит в соответствие приемы и принципы организации текста с ведущим композиционно-стилистическим типом изложения содержания. Таким образом, композиция служит сохранению связности и цельности изложения, а значит, также является непременным признаком текста.

Приведенные выше признаки текста закрепит и развил в своей концепции М.М. Бахтин, он возводит текст в ранг главного объекта гуманитарного познания: «Текст есть первичная данность всего гуманитарно-философского мышления

и является той непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины» [1: 473]. Для него текст, за которым не стоит некий язык, – уже не текст, а «естественнонатуральное (незнаковое) явление, например, комплекс естественных криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости» [1: 475]. Итак, наличие языковой системы является одним из основополагающих признаков вербального текста.

Следующая характеристика текста, по Бахтину, – наличие в нем субъекта, автора (говорящего или пишущего). Именно субъект задает структуру текста: его замысел (интенцию) и осуществление этого замысла – два основных момента, определяющих текст как высказывание. Естественно, что любой текст предполагает наличие адресата (слушающего или читающего): того, кто постигает заложенный в нем смысл, интерпретирует полученную информацию – и это тоже один из признаков текста. Б.Я. Мисонжников говорит о том, что любой предмет, материально представленный и отраженный, суть которого постигается человеческим сознанием, будет носителем определенного содержания [2: 30]. То есть любой текст – это содержательный посыл, сообщение. Текст предполагает передачу информации, смыслов от адресата адресанту.

Перечисленные черты характеризуют текст как явление, открытое к взаимодействию в процессе коммуникации: внутри текста и вне его. М.М. Бахтин называет эти отношения диалогическими и относит их к свойствам текста. Однако нужно помнить, что в его понимании, диалогические отношения – это почти универсальное явление, пронизывающее все отношения человеческой жизни. Их нельзя сводить только к диалогической речи в узком ее значении, отмечает ученый, потому что это особый тип смысловых отношений [1: 485-489].

Поддерживая теорию Бахтина и современные концепции о диалоге как неотъемлемой части коммуникации, Л.В. Щерба называет диалог отдельной реальностью, которая требует определенных усилий от входящих в нее. Диалог создается человеком и сам создает человека, требует от него ответственного отношения к себе, побуждает личность сосредоточенно слушать себя и другого [3: 124]. Таким образом, очевидна диалогичная природа текста, благодаря которой на первый план выходят взаимоотношения автора и аудитории – равноправных участников диалога [4: 190-194].

Опираясь на предложенные Бахтиным признаки, можно определить текст как законченное речевое сообщение субъекта, закрепленное в определенной системе знаков и направленное, прежде всего, на диалог с воспринимающим сознанием, другими текстами и контекстом.

В.П. Белянин подчеркивает: «Текст – это и феномен реальной действительности, и способ ее отражения, построенный с помощью элементов системы языка. Вместе с тем текст представляет собой: основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида и т.д.» [5: 8].

А.М. Пятигорский, в свою очередь, рассматривает текст как разновидность сигнала и ограничивает его понятие следующими характеристиками:

1) текстом будет считаться только такое сообщение, которое пространственно (т.е. оптически, акустически или каким-либо иным образом) зафиксировано;

2) сообщение, пространственная фиксация которого была не случайным явлением, а необходимым средством сознательной передачи этого сообщения его автором или другими лицами;

3) предполагается, что текст понятен, т.е. не нуждается в дешифровке, не содержит мешающих его пониманию

лингвистических трудностей и т.д. Разумеется, речь может идти лишь о каком-то определенном (во времени и пространстве) уровне понимания, хотя и допускающем толкование, но в общем предполагающем более или менее адекватный прием данного сообщения [6: 16]. Исследователь прослеживает коммуникативную цепочку: «субъект – действие – объект» или «адресант – текст – адресат». Иными словами, в обеих концепциях упор делается на прагматический аспект текста, а сам текст рассматривается как исключительно динамическое понятие, тождественное реальному действию.

Ю.М. Лотман обращает внимание на прагматический аспект работы текста, поскольку механизм работы текста подразумевает какое-то введение в него чего-либо извне. «Будет ли это «извне» – другой текст, или читатель (который тоже «другой текст»), или культурный контекст, он необходим для того, чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, заключенная в имманентной структуре текста, превратилась в реальность. Поэтому процесс трансформации текста в читательском (или исследовательском) сознании, равно как и трансформации читательского сознания, введенного в текст, – не искажение объективной структуры, от которого следует уклониться, а раскрытие сущности механизма в процессе его работы» [7: 152].

По Ю.М. Лотману, роль прагматического начала не может быть сведена к переосмыслению текста – оно составляет активную сторону функционирования текста как такового. Текст как генератор смысла, как «мыслящее» устройство, для того чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания [7: 152].

Таким образом, процесс функционирования текста представляется нам как реконструкция реципиентом некоего кода, заключенного в данном тексте. Однако

Лотман корректирует такое понимание и изменяет формулу «потребитель дешифрует текст», предлагая взамен более точную – «потребитель общается с текстом». В свете сказанного Лотман представляет текст «как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и породить новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [7: 152].

Наличие неких кодов предполагает их интерпретацию потребителем в процессе контакта с текстом. «Роль субъекта познания проявляется довольно отчетливо, – пишет, рассуждая о содержательных и формальных структурах, Б.Я. Мисонжников, – один и тот же текст (символический, в частности письменный, иконический или какой-либо другой) может быть совершенно по-разному воспринят и истолкован реципиентом, ибо процесс опознания решающим образом зависит от наличия и качественного состояния соответствующего тезауруса» [2: 30-31]. Ответственность за точность дешифровки смыслов (качественный тезаурус, если обратиться к терминологии Мисонжникова) несет автор, который не только формирует собственно текст, но и направляет читателя в его интерпретации текста. Именно с автором связана проблема истинности и объективности высказываний, особенно актуальная для художественных и публицистических текстов.

Автор в текстовом произведении может быть незаметен. По словам Б.О. Кормана, он, чаще всего, является «неким взглядом на действительность, выражением которого является все произведение» [8: 8], направляет читателя, ведет его вслед за развитием идеи. Авторская позиция выражается преимущественно через разработку конфликта, характер повествования и описания событий. Возможное побуждение к действию скрыто на глубинном уровне, автор не проявляется даже здесь. Но хотя автор и пытается «скрыть» себя в

ткани текста, это не значит, что он не «проявляется» в произведении вообще – иногда в тексте проступает и его «жизненная личность». Автор осуществляет необходимое воздействие на читателя в соответствии с теми задачами, которые он решает в каждом конкретном случае.

В основе всего текстового произведения лежат в конечном счете мировоззрение, идейная позиция и творческая концепция его создателя. Собственные суждения и внутренний мир во многом служат для автора исходным материалом, но этот исходный материал, как и всякий жизненный материал, подвергается переработке и лишь тогда обретает общее значение, становясь фактом воздействия: одно в процессе переработки опускается, другое сглаживается, третье резче выделяется, и в результате возникает определённый образ представляемой ситуации, который и похож и не похож на реальную действительность [8: 10].

Если в художественном тексте автор чаще надличностен, то в публицистическом – всегда биографичен: нам интересны именно его комментарии, позиция и система рассуждений. Автор публицистического текста – конкретный субъект высказывания: участник, комментатор или наблюдатель события. Свою позицию он выражает, как правило, открыто, то же касается и побуждения к действию: публицист чаще всего высказывает его напрямую, предлагая конкретные решения проблемы. Своим текстом он призывает аудиторию к со-творчеству, к со-действию.

Э.В. Чепкина определяет категорию автора в публицистике как «функцию-автор», которая как раз выступает критерием истинности текста: «Имя автора может выступать критерием истинности текста, если журналист пользуется авторитетом и доверием у своей аудитории. Хотя... журналистика в целом ориентирована на то, что ее тексты должны быть достоверными всегда: фактические сведения, сообщаемые в тексте, претендуют на

то, чтобы считаться истиной, надличной и независимой от субъекта речи, который выступает в социально-ролевой позиции поставщика информации» [9: 70].

Но в любом случае, если есть личность, создающая некий текст, значит текст – уже субъективное отражение объективного мира; по Бахтину, – это выражение сознания, что-то отражающего. «Когда текст становится объектом нашего познания, мы можем говорить об отражении отражения. Понимание текста и есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» [1: 484]. Этот фактор очень важен в публицистических текстах, где автор в процессе творческой деятельности в качестве материала использует реальные факты.

Е.С. Щелкунова, говоря о сложности структуры текста, опирается на наблюдение Ю.М. Лотмана, «что всякий текст ... содержит в себе то, что мы предпочли бы назвать образом аудитории, и что этот образ аудитории воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом» [10: 169]. На основе этого исследователь выделяет два базовых уровня, своего рода формы существования текста: а) статичный; б) динамичный. В отличие от статичного уровня, который проявляется в форме функционально-сущностного ядра, выполняющего основную задачу фиксации и хранения в неизменном виде объективной сущности текста, особенность динамического уровня заключается в его коммуникативности. Это совокупный при-

знак, включающий в себя способность текста, во-первых, быть «соединяющим звеном» при налаживании контакта между людьми, а во-вторых, полноправным участником общения автора и аудитории.

«Еще одним признаком, вытекающим из коммуникативной природы текста, – продолжает Е.С. Щелкунова, – является релятивность, то есть способность вступать во взаимоотношения (часто сложные) с другими элементами коммуникативного процесса, и, в первую очередь, с 1) автором, 2) аудиторией, 3) контекстом» [11: 116].

Таким образом, текст выступает как коммуникативная единица, организованная в стройную систему знаков и направленная на осуществление коммуникативного намерения автора по отношению к адресату [12: 110]. Исходя из сказанного, можно говорить о следующих природообразующих признаках текста: фиксированность, стабильность, неизменность; связность (структурность, определенный порядок изложения); линейность (равенство самому себе, развернутость во времени и пространстве); метареферентность (способность быть включенным в определенный коммуникативный процесс); ограниченность (текст противостоит всем знакам, в него не входящим); релятивность (способность вступать в отношения с внешней действительностью и с другими текстами); модальность (ориентация на особые отношения с аудиторией); антиэнтропийность (текст живет в «отрицательном» времени – возвращает реальность факта).

Примечания:

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа // Литературно-критические статьи / сост. С.Г. Бочаров, В.В. Кожинов. М.: Художественная лит., 1986. С. 473-500.
2. Мисонжников Б.Я. Феноменология текста: соотношение содержательных и формальных структур печатного издания. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 490 с.
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Л.: Наука, 1974. 428 с.
4. Грушевская Т.М., Фанян Н.Ю. Модулярный подход к анализу текста/дискурса: вклад

- женевской лингвистической школы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2 (99). С. 199-2013.
5. Белянин В.П. Введение в психолингвистику / Моск. гос. ун-т. 2-е изд, испр. и доп. М.: ЧеРо, 2001. 126 с.
 6. Пятигорский А.М. Избранные труды / А.М. Пятигорский. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
 7. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая система // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Таллин, 1992. Т. 1. С. 124-157.
 8. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. Ч. 1. 110 с.
 9. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.
 10. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // История и типология русской культуры / сост. Л.Н. Киселева, М.Ю. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 526 с.
 11. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование. Воронеж: Родная речь, 2004. 189 с.
 12. Patrick Sériot. Structure et totalité. Lambert-Lucas, 2012. 340 p.

References:

1. Bakhtin M.M. Problem of the text in linguistics, philology and other humanitarian sciences: the experience of philosophical analysis // Literary-critical articles / comp. by S.G. Bocharov, V.V. Kozhinov. M.: Khudozh. lit., 1986, P. 473-500.
2. Misonzhnikov B.Ya. Phenomenology of the text: the ratio of content and formal structures of the print edition. – SPb.: SPbSU Publishing house, 2001. 490 pp.
3. Shcherba L.V. Language system and speech activity / ed. by L.R. Zinder, M.I. Matusevich; USSR Academy of Sciences, Dept. of lit. and lang. – L.: Nauka, 1974. 428 pp.
4. Grushevskaya T.M., Fanyan N.Yu. Modular approach to the text / Discourse analysis: contribution of the Geneva language school // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2012. Iss. 2 (99). P. 199-2013.
5. Belyanin V.P. Introduction to Psycholinguistics / Moscow State University. 2nd ed. rev. and enl. M.: CheRo, 2001. 126 pp.
6. Pyatigorsky A.M. Selected Works / A.M. Pyatigorsky. M.: Languages of the Russian Culture, 1996. 590 pp.
7. Lotman Yu.M. Text as a semiotic system // Lotman Yu.M. Selected articles: in 3 vol. Tallinn: Tallinn, 1992. Vol. 1. P. 124-157.
8. Korman B.O. Study of the literary text. M.: Prosveshchenie, 1972. Part 1. 110 pp.
9. Chepkina E.V. Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes: Diss. abstract for the Dr. of Philology degree. Ekaterinburg, 2001. 24 pp.
10. Lotman Yu.M. Text and structure of the audience // History and typology of the Russian culture / comp. by L.N. Kiseleva, M.Yu. Lotman. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2002. 526 pp.
11. Shchelkunova E.S. Journalistic text in the system of mass communication: specificity and functioning. Voronezh: Rodnaya rech, 2004. 189 pp.
12. Patrick Sériot. Structure et totalité. Lambert-Lucas, 2012. 340 pp.